

Ю. В. ГАПОНОВ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

НОВОЕ ЗДАНИЕ

Он в мир открывшийся широкий,
Где новой жизни бьется пульс,
Где «лекции», а не «уроки»,
Где говорят не «класс», а «курс»,
Влетел стремглав, как муха в сахар...

Г. Копылов.

«Евгений Стромыкин» (с. 99) *

Второй курс начался грандиозным поворотом — открылось новое здание МГУ на Ленгорах. Вместе с ним открылось и вошло в нашу жизнь новое царство, которое предстояло узнать и освоить — удивительное, как сказка. Уже на подходе здание поражало воображение. Построенное в монументальном стиле сталинской послевоенной эпохи, оно было шедевром и памятником одновременно. Строили его последним в своем роде — такие дворцы уже были разбросаны по Москве: Смоленская, Котельническая, Комсомольская, и потому в нем соединили все находки прежних лет. Само местоположение — свободная площадка Воробьевых гор, назначение — дворец науки и студентов, свободная площадка Воробьевых гор, назначение — дворец науки и студентов, свободная архитектурное решение, не стесненное соседством застроенных городских кварталов, обусловили красоту и изящество. Парк кругом, фонтаны, подсвеченные в дни открытия, белизна крутых стен, шпиль в тумане облаков — и этим великолепием владели мы, второкурсники, после грязной хибарки в Бутово, стандартных домов общежития Каширы, после старого кирпичного здания физфака на Моховой и затерявшегося в переулке простенького здания филиала у клуба Русакова.

Чудо продолжалось и внутри. Массивная колоннада входа, тяжелые двери — и ты в мраморном вестибюле. Ряды зеркал, огромная раздевалка, сиявшая тогда огнями люстр, лифтовый холл главного здания — чудо автоматики того времени, и ты в огромном холле Актового зала, где мрачные каменные фигуры жрецов науки застыли изваяниями египетского храма. Поворот, мраморные ступени, еще одни тяжелые двери, и влетаешь в огромный, просторный, светлый Актовый, с легкой колоннадой сзади и по периметру, рядами мягких кресел и неглубокой авансценой. Простор, воздух, огромные окна, свет десятков люстр. Я не знаю помещения эффектней во всей Москве!

Клуб начинался с противоположного, домашнего входа, от Ломоносова, и был намного менее суров. От вестибюля, всегда солнечного и шумного, поднимались две крутые каменные лестницы в духе позднего Просвещения. Мраморный, с колоннадой зал для танцев, небольшой, но уютный, и не менее уютный зал ДК

* Цит. по: ВИЕТ. 1998. № 2. С. 86–150.

с амфитеатром, низким, но просторным балконом и прекрасной сценой. Сколько он потом видел, этот зал! И, наконец, чудо для того времени — огромные спортзалы и бассейн с теплой водой и пятиметровой вышкой. Зеленая вода тихо плещется! Души, раздевалки! Что душе угодно. Было от чего закружиться голове неопытного второкурсника. А великолепие общежития: каждому комната, на двоих в блоке — душ, в зоне — весь твой курс, весь факультет. На каждом этаже — уютная гостиная, в мягкой мебели, коврах и с пианино. Вам трудно понять то ощущение необыкновенности, сказочности этого мира после года цыганской жизни! И все это надо было узнать, открыть самому, облазить, освоить, всюду побывать — от подвалов до шпилья, всем этим богатством насладиться. Мы как будто парили в небе мечты, купались в ее восходящих и нисходящих течениях, ликовали. Верилось, что все возможно.

Но к этому романтизму первопроходцев добавлялось и другое, новое ощущение: мы стали полноценными студентами.

У каждого курса физфака, независимо от поколения, инвариантно и издавна есть свое лицо. Первокурсник тщеславен, но в душе неуверен. Он поступил, пройдя схватку с приемной комиссией, чем-то выделенный из многих себе подобных, но он еще не знает, случайно ли это. Что он, где он окажется, чем грозит ему надвигающаяся сессия? Кто с ним — друзья или попутчики? Что впереди — пан или пропал? Он пляшет в пламенном восторге на канате случайности и всегда это помнит. В нем восторг и трепет.

Второкурсник впервые ощутил надежную уверенность. Он уже знает, что такое сессия, Моденов, профессора и физпрактикум. Он опирается на опыт и друзей, только что приобретенных. Он понял свое место и уже не один. И от проблем сиюминутных, эмоциональных он переходит к проблемам завтрашним. Он размышляет, кем быть, на какую кафедру податься, какой специальности посвятить себя. Он еще только мечтает, грезит — до дела не дошло, но зато какой простор фантазии! А пока он просто живет, бездумно, уверенно беря от жизни студенческой все, что она ему подбрасывает, и прежде всего — общение: с друзьями по группе, случайными пока знакомыми по курсу. Первые знакомства, первые увлечения. Но пока ничего серьезного — время выбирать еще не подошло. Он просто дышит воздухом общения всей грудью. Он мечтателен и уверен в себе. Собственно, вот такими были и мы — все вместе и каждый сам по себе.

Но время, наверное, все-таки неумолимо разрушало эту сложившуюся уверенность и мечтательность. Нашу группу разделили. Причин для этого особых я сейчас не вижу — может, пересортировка какая по случаю переезда в новое здание. Но как часто судьба наша зависит от таких случайностей! Как бы то ни было, но группу разделили. Часть, большая, попала на второй поток, часть наша, меньшая, — в новую группу на первый. Это было до боли обидно и жалко: мы ведь так сдружились. Жалко было терять Леню Пыхова, Бориса, всех девчонок, но особенно было жаль терять группу как целое — нашу любовь и гордость.

Правда, была надежда сохранить друзей. И еще большая — обрести новых. Опыт первого курса подсказывал, что это не так трудно, нужно только хорошенько взяться за дело, нужно только захотеть, и пламя новой дружбы взойдется еще выше, сливаясь со старым. Не знаю, у всех ли было это чувство, но у меня оно было. А чувство вызывало потребность действия.

Есть в нашей жизни маленький, незаметный для глаза рубеж. В школе и дома живешь больше созерцательной, чем деятельной жизнью. Первый самостоятельный шаг — поступление, но первокурсник тоже слишком занят собой, своими эмоциями, текучкой, и по необходимости идеалист. Но вот руки освободились, ноги

Староста и комсорг 22-й группы — Женя Гамалей и автор

стоят крепко, и ты можешь приступить к делу. До сих пор ты жил фантазиями. А теперь берешь в свободные руки дело и пробуешь претворить в жизнь. Этот плавный и незаметный переход от иллюзии к действительности решает все — чем ты станешь, как ты будешь дальше жить. В нем ты весь завтрашний. Ты сунешь палец, а тебя затащит всего — и бог знает, когда вырвешься?! Да и вырвешься ли вообще!

Вот так и я сделал первый шаг. Цель была проста. Образ 18-й группы, такой близкой по духу, по жизни, по друзьям и товарищам, стоял рядом, осязаемо, досягаемо. Протяни руку к окружающим, дай им почувствовать прелесть жизни одним дыханием, душу коллектива, и они пойдут к тебе. Дело казалось простым и надежным. Ленка Пыхов с его ярким даром организатора и коллективиста вдруг пробудил во мне осознанное желание создать и самому то же. Помню, что очень ждал выборов в комсорги и очень хотел, чтобы выбрали меня. И меня сделали комсоргом. Наверное, сказались традиции 18-й. Наверное, на мне было написано.

Сейчас, уже взрослым человеком, я сам отчетливо вижу, что люди чувствуют желания других, особенно ясно осознанные. Если ты чего-то очень хочешь, тебе раньше или позже кто-то поможет, кто-то случайно подтолкнет, а ты и пойдешь куда хочешь, считая, что это и его желание. Эта внутренняя связь и есть то, что движет нас в жизни, позволяет обогнать или, наоборот, мешает идти в ногу.

Но тогда я еще не знал этого закона — раз ты знаешь, чего хочешь, тебе уступают дорогу — и был несказанно рад. И, сделав шаг, принял на себя Ленкину ношу и стал комсоргом 22-й группы. Меня захватила страсть созидания человеческого коллектива. Началась новая жизнь — первое действие во имя идеи. А кто из вас не знает, что жизнь комсорга — в его выступлениях? О чем же говорит новоиспеченный общественник? Прислушаемся.

* * *

Сперва на посещение лекций
Он массу времени терял, —
На чтение разных Папалексей
Да на текущий матерьял...

«Евгений Стромьинкин» (с. 100)

Тронная речь (с комментариями)

(Конспект ее сохранился. Он слепок живого времени, времени революционной IV конференции, времени начала «оттепели». Правда, делегатов на эту конференцию мы еще выбирали бездумно — тех, кто не был на собрании, в наказание. И не сразу осознали, что произошло. Но когда поняли...)

Товарищи!

(Такое волнующе новое для меня традиционное начало перед аудиторией в 20 человек.)

Начну с учебной работы.

(Что было важнее тогда для нас, вчерашних первокурсников?)

У большинства комсомольцев изменилось отношение к учебе.

(Враз, за три дня! IV-я подействовала как гроза!)

Она стала не обязанностью, долгом, а потребностью, необходимым занятием.

(Не зря нас учили общественным дисциплинам, базис подводится умело.)

Студенты сами ощутили, что старая система учебы не дает даже того необходимого минимума навыков научной работы, который нужен каждому уважающему себя специалисту. Студенты старших курсов столкнулись с неоспоримым фактом — их выпускали безграмотными.

(Для контраста можно себе позволить некоторую долю демагогии.)

Естественно, что они первые задумались над практической стороной — как реорганизовать учебные планы в соответствии с возросшими требованиями от высшей школы.

(Итак, вот оно — первое дуновение IV конференции, выраженное чуть косноязычно, безапелляционно, с долей веры и демагогичности. Но какая самоуверенность, какая чудная новая сила, приводящая в действие механизмы внутричеловеческой жизни!)

Немудрено (не иначе!), что именно ими и был поднят вопрос (великолепный штамп у новоиспеченного комсорга!) о реорганизации метода учебной работы на новых началах: творческом отношении к учебе самых студентов.

(Подчеркнуто. Как будто до этого они учились не сами. Но такова сила общественного воздействия, сила веры, что она отбрасывает после поворота все прошлое. Его как не бывало.)

Прежняя метода была построена на принципе: «Студент нерадив — заставим его заниматься». (Плохая, значит.) Раньше, двадцать лет назад, когда были живы еще буржуазные пережитки, они были правы. (Какой масштаб — 20 лет — почти вечность!) Теперь нет!

(У нас было ощущение, что мы своими руками делаем новую революцию, до нас — мрак, после нас — свет. Какая безапелляционная вера!)

Возьмем в пример нашу группу.

(Итак, лозунги кончились. Теперь от мировой революции к бренной земле.)

В большинстве своем все из нас ставили перед собой задачу: «Надо заниматься!», но не все ее с честью выполняют.

(Заметим, что с этой новой группой мы не сдали еще ни одной сессии.)

Почему? Ясно, у них не хватает воли, настойчивости хоть не часто, но сест за конспекты и лекции.

(Молодость легка на выводы, ей бы учить других.)

Для таких товарищей метод остается прежним, хотя и не исключена возможность перехода их на творческие позиции. Для них вопрос будем ставить прямо: пришел учиться — учись, не хочешь — освободи место в МГУ другому, который будет!

(И ведь, что удивительно, ставили и добивались исключения.)

Тем же, кто стоит уже на новых позициях, мы должны обеспечить поддержку и условия для настоящей работы.

(Итак, революция началась. Народ берет власть в свои руки и вводит красный террор. Кто не с нами, тот против нас! Наивная, но искренняя вера в черное и белое.)

Эту поддержку и условия мы можем и должны получить со стороны профессорско-преподавательского состава и деканата прежде всего. Связь между нами сможет обеспечить правильный стиль работы всего факультета. Мы должны строго пересмотреть свою и преподавательскую работу.

(Какая великолепная уверенность в своих правах, своей силе. Какая вера в единство целей студентов и преподавателей. Вот оно — психологическое действие IV-й, где мы стали на мгновение хозяевами факультета, а преподаватели растерялись перед этой новой, еще не обузданной силой.)

Но прежде всего свою, и как можно придирчивее. Как мы сможем требовать от преподавателя, когда сами страдаем обилием грехов — нам просто скажут в лучшем стиле: «Иди-ка да взгляни, кума, на себя и не делай пустых замечаний». (IV-я научила дипломатии!) Вот почему прежде всего стоит вопрос о нашей собственной работе, а потом уже о критике работы преподавателей.

(Не меньше! И мы их действительно научились критиковать по делу.)

Но нельзя ни в коем случае критику доводить до ругани с преподавателем, грубости — этим мы ровно ничего не докажем. (Каково, а?!) Строгая, принципиальная критика с жесточайшим учетом всех наших собственных недостатков прежде всего — вот что нам сейчас нужно. Мы должны хранить авторитет преподавателя, как свой собственный (Sic!) — это в наших интересах.

(Не зря нас учили теории революции!)

Итак, не рычание, не болтовня, а критика. И не забывайте — преподаватели тоже будут с нас требовать. Например, Борис Михайлович Будак обещал нам, что на его экзамене только студенты с серьезными знаниями сдадут, не рассчитывайте на шпаргалки. Применение их будет искореняться.

(Вот оно — противоречие нашей революции. Преподаватели осторожно включаются в борьбу на своем уровне. Пока это только шпаргалки!)

Как подойти к учебе конкретно? (Программа-минимум!)

Во-первых, обработка лекций. Нельзя мириться, что студент прорабатывает лекции только перед экзаменами и никакой другой формы проверки не существует.

Мы хорошо знаем, к чему это приводит — к штурмовщине. И те, кто хочет всерьез учиться, а не лоботрясничать, не должны этим удовлетворяться. Специалист должен много раз перечитывать лекции. Пускать на самотек это дело тоже нельзя. (Трудно переделывать лекционную систему. Через сколько лет были найдены разумные решения! А пока движение по кругу. Но поиски начались.)

Поэтому мы должны серьезно обдумать и конкретно выбрать из следующих методов: 1) производственный кружок; 2) занятия тройками; 3) помощь отстающим; 4) коллоквиумы и расширенные заседания группы. (Удивительно, что все это реализовывалось без всякого вмешательства преподавателей. Такова сила убежденности.)

Но этим не ограничиваемся. Если кто проявит инициативу и предложит дельное, обсудим и решим, — подходит ли. Кроме того, предложим старосте:

- 1) взять на учет всех неуспевающих и хвостатых;
- 2) требовать регулярного посещения лекций, виновных обсуждать;
- 3) составить список троек и ответственных за них, наладить в них проработку лекций.

(Революция за работой. Она экспериментирует, призывает дерзать. Даже в такой суетной проблеме, как лекции, она находит предмет для вдохновения и творчества. В этом ее обаяние, ей ничто не мелко. И какое удовольствие говорить о том, что думаешь. Сводить сложное к простому. Разрубать узлы! Собственно, где-то здесь и решалось, кто будет много спустя хозяином положения: сами студенты или бюрократия деканата.)

О семинарах. Не менее правильно построить работу на семинарах. Семинары отводятся для практического изучения дисциплин, для самостоятельного решения задач. (Теоретическая предпосылка. Чувствуется физическая подготовка.) Но отсюда ясно, что без домашней работы над проходимым курсом, без конспектирования и проработки лекций, регулярного выполнения домашних заданий на семинарах будут делать всегда одно и то же: разжевывать и запихивать в рот нерадивому студенту все тот же лекционный материал, превращать их в бесконечное повторение и зазубривание лекционных истин.

(Как легко, увлекаясь собственным энтузиазмом, издеваясь, бичевать пороки прошлого и звать в будущее. А что предлагаешь?)

Возьмем, к примеру, наши семинары по марксизму. (Революция бросается в вечный бой за чистоту теории!)

Спрашивается, разве можно на них ставить какие-то спорные вопросы, требующие глубокой проработки материала, если даже конспектов ни у кого нет? (Ох, уж эти вечные конспекты!) Какая может быть творческая работа?! Надо обеспечить серьезную подготовку к семинарам.

Для того чтобы все эти решения не остались на бумаге, надо развернуть резкую и принципиальную критику (Не иначе. Подчеркнуто!), смело указывать товарищу на недостатки в его работе, высмеивать зло прогульщиков и лентяев, искоренять халтурное отношение к учебе.

(Какие лихие лозунги! Их с трибуны говорить, а здесь вот они — твои друзья, не чувствуешь еще разницы?)

В этом отношении нам должен помочь «Крокодил». (Вот он — реальный опыт 18-й группы. Там был групповой журнал — и здесь надо. Ты хочешь все по-

вторить и тянешь к желаемому. Повторится ли?) Без его правильной работы нам очень трудно будет создавать атмосферу критики в группе. Поэтому ставим вопрос о «Крокодиле» и каким он должен быть.

(И как цель и итог выступления — на чистой странице только три желанных слова.)

О дружном коллективе в группе.

(Собственно, к этому все и шло, но как это обосновать? Необходимостью учебы? Необходимостью дружбы? Решениями IV-й. Нет, этого просто страстно хотелось!)

* * *

Итак, программа проявилась. Конференция толкнула нас в новом, неизведанном направлении. Полные энтузиазма, гордости за «свою» победу, полные веры и решимости «покончить со старым», мы пошли в бой за новые методы учебы. Собственно, нового придумать пока не могли, а потому самонадеянно занялись исправлением «отношения к учебе» и критикой методики лекций по общей физике, основам марксизма-ленинизма и семинаров. Последнее было опасно, не каждый преподаватель охотно шел на самокритику. Но конференция поступила умно, поставив критику рядом с самокритикой студентов. Здесь был простор для творчества. Мы были готовы исправиться. Преподаватели, в особенности молодые, чувствовавшие несурезицы планов и программ, нас поддерживали. Сказывалась ломка психологии в стране. Наступала «оттепель». Общий энтузиазм на факультете, приход нового декана, академиков, перестройка старого, рухнувшего деканата, общая праздничная обстановка нового здания, новое общежитие — все это объединяло студентов и преподавателей на подъеме. Сложности были впереди и пока намеками. Курс бурлил, обсуждались читаемые лекции, методика семинаров, вводили собственными руками террор по отношению к тем, кто представлялся халтурщиками, меняли старост. И хотя предложения были часто неконкретны, выступления общи, призывы абсурдны, утверждения догматичны, — все шло в дело.

Впрочем, для меня в глубине души главным оставалась дружба в группе. Но пока — загляните еще раз в тронную речь — пока я был теоретиком. Я отчетливо знал, что мне надо, но кто они, те новые люди, с которыми меня связала судьба теперь? Чем они похожи на прежних, чем иные?

* * *

Кроме известных уже буйного Рустема и романтического Фосса-Филиппова вместе со мной в новую группу попали еще четверо наших. Среди них особенно выделялись Володя Кузнецов и Толя М. Первый был яркий, удивительно талантливый парень — мастер на все руки: петь, рисовать, шутить, прекрасно знал радиофизику и был очень приветливым и обаятельным человеком, правда, несколько мягким. Зато Толя отличался от старых моих друзей очень резко. Он был много старше нас. Полный, круглолицый, очень уверенный в себе, он уже, не в пример нам — салажатам, нашел свой тон в жизни. Шутка! Легкая шутка, безобидная насмешечка, иногда анекдот. Толя был беззлобен, добродушен и очень гладок. Вот он тут был только что, миг — и его уже нет. Вот он вроде бы с вами согласен, но чуть пошутил, чуть добродушно усмехнулся — то ли от хорошего настроения, то ли от сознания твоей молодости и собственного превосходства, — и нет его. Тут он стоит, рядом, но уже не с тобой. Он не спорил: смешно, о чем спорить, все — пустяки. Он глядел на тебя из-за круглых очков чуть насмешливыми глазами, надувал

*Девчата ядерных групп II курса:
Таня, Ада, Наташа, Тома (сидят); Роза, Вера, Люда, Алла, Маша (стоят)*

полные щеки, ему было весело и хорошо, а в сущности — зачем все что-то ему говорят? У него всегда были свои дела, где-то, какие-то — впрочем, зачем вам все это знать? В 18-й группе он тоже был как-то в стороне, оригиналом, но чуть подстраивался под общий лад, несерьезно, полушутя. Он был добр к нам, мелкоте, да и вообще...

Среди новых для меня людей преобладали личности, индивидуальности. Из девочек как-то сразу выделилась Алла. Открытая, всегда веселая, живая, организованная, она была заводилой. Энергии у нее хватало на все: на музыку, на работу в лаборатории, спорт, была она членом бюро комсомола потока — культторгом и учебным сектором. Невысокая, очень ладная, обаятельная и на редкость надежная и самоотверженная, она сразу стала любимицей нашего секретаря потока Андрея Малахова. Мы тоже все ее любили, но у нее на нас, наверное, времени не хватало. Она жила уже в другом измерении — на курсе.

Ближайшей подругой ее была Маша. Спокойная, чуть стеснительная, она казалась даже медлительной на фоне Аллы. Но вдруг прорвется в ней озорство, бесенок, и легко с ней становится. Мне она была ближе, группа была ее кругом, дружила она и легко сходилась со всеми, помогала, если просили, и самоотверженно — мне во многих моих неудачных начинаниях. Мы ходили с ней за всю группу в кино, на каток, она много помогала Диме Швецову в своей «тройке». Маша была моим надежным помощником.

Из ярких девчат, пожалуй, упомяну еще Тамару Бессонову — великолепную спортсменку, отчаянную донельзя, бесшабашную и озорную, как мальчишка, тоже общую любимицу, но анархистку по натуре, и Таню — удивительно спокойную девушку с красивыми глазами, смешливую, застенчивую совсем по-детски,

искреннюю и чуть упрямую. То ли по застенчивости и неуверенности в себе, то ли по причинам домашним у нее не все ладилось с занятиями. Она много занималась, но методы в университете и школе сильно разнятся, а перестроиться ей почему-то не удавалось. Но какая это была чудесная, душевная девчонка. Мы поняли это, правда, только следующим летом, в турпоходе.

Кроме этих, вполне ясных мне девчат, в новой группе мне встретились и другие — совсем иные. Элла — полная невысокая девушка с необыкновенным самолюбием, разговорчивостью, где-то даже невоздержанная на язык, и Варя — резко замкнутая в себе, самолюбивая до крайности, очень обособленная от всех, молчаливая. Сейчас, пожалуй, я понимаю, что эта натянутая струна самолюбия идет от ощущения неуверенности в себе, может быть, неумения одеться, неказистости своей, от семейных неурядиц, может быть, от легкой ранимости. Но для меня Варя была тогда загадочным сфинксом. Молча пришла, села, два слова — девушкам, той же Элле — и в себя, в книжку, в дело. И так же молча ушла. И, как Ленский, день-деньской сидит за шахматной доской. Человек в себе.

Не менее пестры были ребята. Быстро выделился и начал верховодить Демидов, крепкий, спортивный, но манера его была чем-то сродни нашему Толе, только поострее. Шутки до сарказма, насмешки до издевки, умение себя показать, выделить и поставить, схватить юмор и ситуацию. Здесь он был непревзойден. Чуть позже кто-то написал ему такую эпитафию:

Здесь погребен теоретик Демидов,
Жертва изгаженных им индивидов.
Не был прозаиком, не был поэтом —
Был литредактором склочной газеты.

Впрочем, он этим гордился. И умен был, черт.

Другим лидером был Юра Морозов — эстет и эрудит в вопросах литературы, искусства, поэзии. Курсовая богема. Очень собранный притом, спокойный, уверенный, он, как и Алла, жил где-то вне группы, у Малахова. В группе ему было тесно. Но слово его, поступок всегда были выверены, вокруг него вечно крутились и наш разбитной староста Сашка, и веселый добродушный Гена, интеллигентный Женя Гамалей, замкнутый и талантливый другой Саша — Казанцев. Юра легко соединял их, собирал вокруг себя эту пеструю ораву и находил ей применение — футбол, баскетбол на новых площадках МГУ, поэзия. В этот год он был в бюро, в следующие — мои виражи увели меня в сторону, но, наверное, это был один из тех любопытных людей, мимо которых проходишь в жизни, а потом вспоминаешь об этом с сожалением.

Пожалуй, более других новых мне были близки по духу Женя Гамалей и Дима Швецов. Первый был удивительно чуток к людям, но это как-то скрывалось ненавязчивой мягкостью. Второй — совсем стеснительный, но необыкновенно упорный человек. Учеба давалась ему трудно, но он взял эту вершину.

Здесь я остановлюсь, хоть мне, конечно, жаль, что не упоминаю многих других. Так устроена жизнь. Мы идем по ней, люди рядом, впереди, сзади. Одни обгоняют нас, другие отстают. Всех бы помянуть добрым словом! Но — приходится называть только главных героев, тех, кто как-то повлиял на мое броуновское движение в общем потоке поколения.

* * *

Был парнем компанейским Женья.
В мероприятиях групповых
(Слышали ж это выраженье?)
Участие принимать привык.

«Евгений Стромынкин» (с. 100)

Семестр пролетел мигом. Подходила сессия. Стали проясняться ценность «троек», товарищеской помощи, уровень новой группы. Группа была намного сильнее, но индивидуальнее. Дружбы не получалось, взаимопомощи тоже. Групповые мероприятия — идеал 18-й, мечта комсорга — не пользовались никаким уважением. И даже неустанно мною опекаемый «Крокодил» — наследник традиций прошлой группы — выходил, дай бог, два раза. Группа не давалась, все разбегались после лекций, как вода сквозь пальцы, и ничто их не объединяло. Тянули старые группы, старые друзья, сборы в общежитии, тянули новые интересы, бурно расцветавшие в новом здании, — спортзалы, бассейн, секция самбо, стадион, тянуло поболтать по Ленгорам или поиграть в футбол под кручей у Москва-реки, искупаться. Ни кино, ни театр, ни вечера групповые никого не привлекали. На каток мы ходили на пару с самоотверженной Машей, в кино — с культторгом Фоссом. Коллектив не складывался. Ребята крутились около зубоскала Демидова да Морозова и по горло были заняты спортиграми, тренировками, сраженьями, девчата — главным образом возле брюзжавшей Эллы, они в основном занимались. Это были два несовместимых полюса. Томка и Маша не спасали положения.

Особенно удручал меня «Крокодил». Пытаясь как-то привить традиции 18-й, я поручил его Толе и Володьке из старых и Демидову. Но первый так ловко уходил от ответственности, так вовремя исчезал, жалуясь всем на мою приставучесть, что пришлось поменять их ролями и передать власть Демидову. Он взялся за дело, но зато злее и ехиднее нападал на всех вообще и на меня в частности. Он как-то первым осознал уязвимость моих романтических иллюзий, настроился скептически и не щадил меня — впрочем, до поры открытой войны не было. «Крокодил» он со временем, ближе к весне, вытащил, печатная ирония ему нравилась, позже он даже организовал на курсе иронический «Вентилятор», по поводу которого ему и написали эпиграф, но это была уже другая газета — ехидная, насмешливая, колючая, а не та добрая и объединяющая, что у нас раньше. Иллюзии мои требовали переосмотра.

И я поступил как истинный теоретик — взялся за книги. Я искал ответа на простой жизненный вопрос: как создать дружный человеческий коллектив, что может объединить этих, таких разных, людей. И прежде всего меня вела вера. Помню, как раз в этот период, в переполненном сто одиннадцатом автобусе, связывавшем своим маршрутом старое и новое здания МГУ, в разговоре весьма случайном я вдруг осознал простую истину: все люди — братья! Логика была проста: революция уничтожила классы, классов нет, значит — нет объективных причин для вражды, значит, все, что озлобляет людей друг против друга, — случайное, «пережитки прошлого» (как тогда любили говорить). Вот он, коммунизм — в моих руках! Нас ничто никогда не разъединит, не сделает врагами. Не из-за чего. Все — общее!

И эта мысль, так, казалось бы, надежно обоснованная, захватила меня. Я поверил в нее, наверное, на всю жизнь. Оставалось только устранять все, что людей разъединяло. И снова я полез в книги и открыл для себя Макаренко. Нет, он поразила меня не драматическими коллизиями «Педагогической поэмы», не фанфар-

Новогодний бал в новом МГУ: Сергей, Рогнеда, Рустем и Ленька

ным романтизмом книги «Флаги на башнях». Он покорила меня прозой документов — сводом законов коммуны им. Дзержинского. Я вчитывался в строки устава коммуны: отряды, дежурные отряды, командиры, дежурные по лагерю, завод, совет командиров — вся эта сложная, до тонкостей выстроенная, продуманная система красивого человеческого коллектива захватила меня. Я понял, что так бывает. Понял, что людей соединяет общее дело — учеба ли, труд ли, но дело. Игра — потом, она несомненно нужна. И гласность во всем. Откровенность и свободное обсуждение. Это дало мне толчок. Я понял свою первую ошибку — одиночество, оторванность от людей, отсутствие актива. Нужно было обращаться к группе на ты, прямо, без обиняков. И я обратился. Но сначала была сессия. Группа оказалась на редкость сильной, особенно ребята, самой сильной на потоке, а может, и на курсе — девять круглых отличников, только у двоих тройки! Мои индивидуалисты умели работать и были умны.

Сессия прояснила еще одно странное и непонятное мне тогда обстоятельство — наш преподаватель по марксизму стремился от меня избавиться. Это было удивительное явление: он боролся с комсоргом группы, более правозащитным, чем сам Магомет. Боролся фанатично, достаточно некрасивым способом — занижил мне оценку как мог, поставив три (оценка была неофициальной). Весь семестр боролся я за посещаемость его семинаров, ругался за конспекты, обличал халтуру у ребят в отношении к нему — и такой результат! И ведь ясно было мне и всем окружающим, что дело не в знаниях (учился я всегда отлично), а в принципе. Впрочем, сейчас я понимаю его вполне. IV конференция прозвучала для него как вызов. Она ло-

мала его взгляды на сложившуюся систему отношений студента и преподавателя. Как? Студент критикует лектора, профессора? А авторитет? И он защищался самым доступным способом: зачинщиков — к стенке. А комсорг в такой ситуации был зачинщиком. Мне приходилось прямо говорить ему, и не раз, о недостатках на лекциях, семинарах. Выступал на курсовом активе и высказал замечания группы вслух. А он, воспитанник иных времен, не был гибок, не понял знамения времени. И медленно поворачивал все вспять. (Впрочем, не он один.) Случайно нам повезло, он заболел, и в новом семестре пришел новый преподаватель — молодой, горячий. С ним мы поладили. А могло бы сложиться иначе, я ходил по грани (не в последний раз).

И вот — новый семестр, новое собрание и новая речь. Что-то поменялось в комсорге. Судите сами.

Вторая речь (итог работы за полгода)

Считается, что наша группа лучше других кончила прошлый семестр. На нашу группу смотрят как на образец, ставят ее в пример. Недавно меня попросили написать в газету заметку о нашей группе, об итогах сессии, и я был поставлен в тупик вопросом: о чем писать, как оценить итоги сессии?

(Итак, сдвиг в мировоззрении комсорга уже произошел. Пышных и казенных фраз поубавилось, лозунги и «идейные» фразы ушли вглубь, стал проще. Но чему еще ты научился? Какие иллюзии остались? Чего хочешь? Куда идешь?)

Перечислить, что у нас 9 отличников, 12 успевающих и двое сдали на тройки? Да еще 7–8 человек обязаны были сдать на все пятерки. А разве это плохо, разве этим нельзя похвастаться? Можно, и мы даже не прочь покичиться.

(Нет, иллюзии не ушли. Он не хочет встать на реальную почву. Он начинает попрекать группу. За что?)

А скажите, почему эти 9 человек, 9 отличников, не могли помочь исправить тройки двум? Почему эти 9 человек в заботе о себе позабыли про товарищей? Почему?

(Все ясно. Он попрекает за индивидуализм. Он хочет, чтоб все помогали друг другу в беде. Он не избавился от главной иллюзии — создания коллектива в группе, расцвета всеобщей любви и братства. Он настырно гнет свою линию.)

Я отвечу вам примером. В середине октября я пошел к Лиде и попросил ее помочь Варю, Лида согласилась. Я включил Варю в их «тройку». Прошел месяц — «тройка» ни разу не собиралась. Помощи Варю не было никакой. Правда, Варя не просила у Лиды помощи. Но проверять Варины занятия Лида могла? Могла. А этого она не сделала. То у нее времени нет, то она не имеет морального права — она сама ничего не знает, то у нее еще что-нибудь — словом, 140 причин, а не названа главная: Лида не хочет возиться с Варей, ведь все равно напрасно, Лиде нудно заниматься с товарищем — когда она о себе будет думать? И вот результат. Когда у Вари решается: либо-либо, ей отказываются помогать, ей доказывают, что она все равно ни на что не способна. Лида получает все «пять», а Варя — все еще не сдала математику. И Лида ныла, что она не сдаст экзаменов... Мне стыдно за Лиду!

(Ну что ж, пример и вправду ясный. В жизни мы очень часто встречаем равнодушные к окружающим — кто за него осудит? На это могут быть десятки причин. Можно ли навязывать свою дружбу? А уж чужую — тем более. Но ты еще слеп и не понимаешь, что реакция на это одна — антипатия к тебе. Впрочем, сам увидишь.)

К сожалению, Лида получила поддержку со стороны нашего старосты. Коротко, его заявление сводилось к следующему: «Брось с ней (Варей) возиться, рано или поздно ее вышибут». Вот, товарищи, рассуждения наших комсомольцев. Они рассуждают с претензией на объективность. Не объективность это — себялюбие. Вот почему 9, даже 16 человек не смогли помочь троем.

(Да, как непохожа эта новая группа на твою старую, любимую 18-ю. Как непохоже новое время на уходящее старое. Там люди тянулись друг к другу от полноты чувств, здесь — спокойно выбирают: а стоит ли? Там — союз почти равных. Здесь — резко выраженные контрасты индивидуальностей, уже знающих себе цену — высокую или низкую, но знающих. И ценность восстанавливается только новыми качествами, новыми жизненными поворотами.)

Спору нет, лиды у нас в меньшинстве. Но они сумели заполучить авторитет и твердо стоят на своем мнении. А нам нужно их разбить.

(Впрочем, демагогия еще сохранилась в комсоре, как и иллюзия силы коллектива. Или ты этого очень хочешь?)

У нас есть и хорошие примеры. Алла с Машей и Димой занимались очень упорно и основательно еще с начала декабря. С Геной хорошо занимались Женя Гамалей, Юра и Саша. Но можем ли мы сказать, что у нас в группе произошел решительный перелом в учебной работе, о необходимости которого говорили постановления IV конференции? Нет. У нас немало случаев халтуры и штурмовщины. Тамара приходила на экзамены набитой шпаргалками, да еще показывала их всем, словно гордясь: вот я какая, ни шиша не знаю, а иду сдавать.

(Период самокритики продолжался. Комсорг сердится, горячится. Не слушают?...)

Не случайны их провалы, их четверки, вернее — случайны их пятерки. Юра Е. (один из троечников) больше спал, чем занимался физикой: я заходил два или три раза в общежитие — всегда спал, накрывшись «физикой».

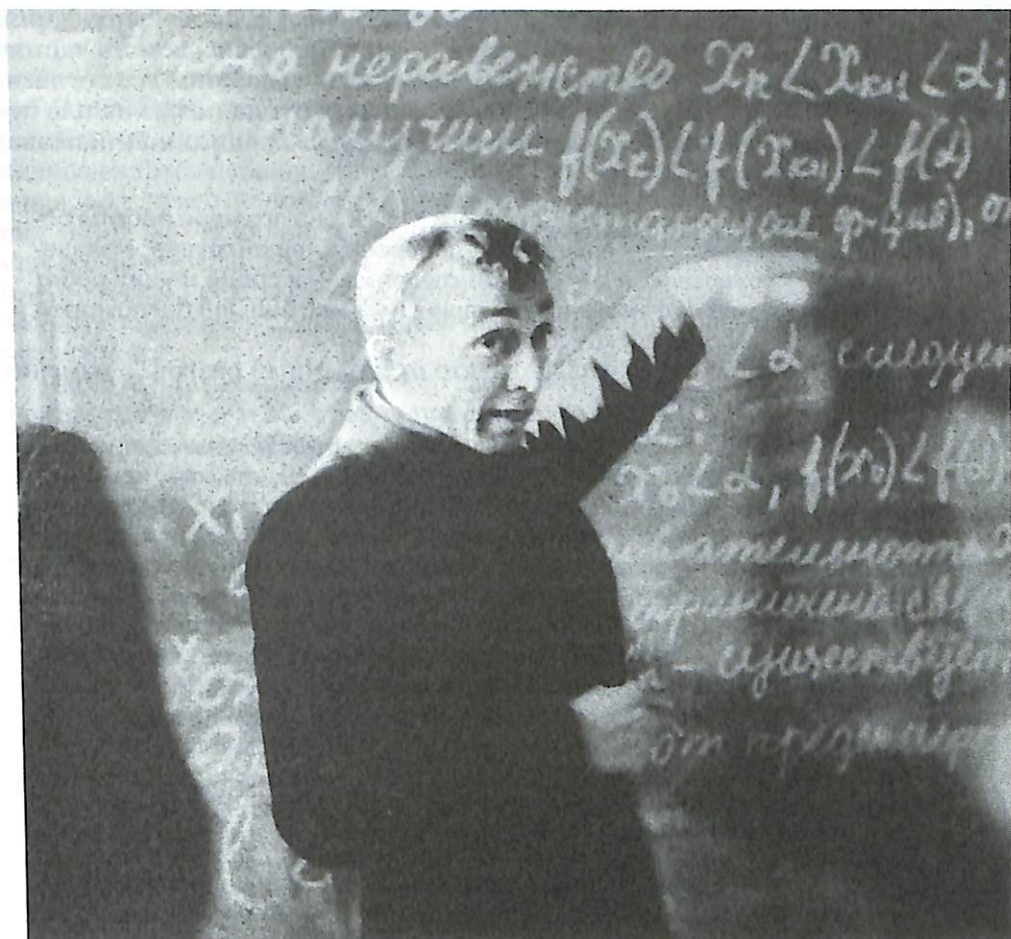
(Сценка, не лишенная юмора. Но комсорг его еще не чувствует.)

Поэтому не успел все выучить. Короче — лентяйничал. Таня просто не смогла: у нее нет веры в себя, на трудном месте она опускает руки. Наша задача — Юру заставить, Тане — помочь, а Тамару, Толю и им подобных — отучить, если они сами не поняли, от халтуры...

(Как легко формулировать задачи, как непросто их выполнять!)

Вывод: Большинство все еще не поняло необходимости самостоятельной работы дома, в течение семестра, недостаточно требуют с самих себя, лентяйничают. С этим надо покончить. В новом семестре наша задача: обеспечить контроль за самостоятельной работой дома, не формально, а так, чтобы не было ни единого неясного вопроса. Надо сдать сессию без троек — это нам под силу.

(Целая куча ошибок — контроль за работой дома комсоргу практически никогда не удастся. Да и нужен ли он для ярких индивидуальностей, которым бы идти вперед с удвоенной скоростью? Но система наша к этому не приспособлена — им придают среднюю скорость троечника. И держат за узду. Собственно, в этом вообще беда учебной работы — она сугубо индивидуальна, и коллектив на ней создать практически нельзя. И «тройки», наверное, было лучшее, что нашел тогда. Но хотелось большего, не умел во время остановиться. Впрочем, понимание всего этого пришло намного позже.)

Наш математик Дубровский

Касаясь учебных дел, мы не можем обойти работу нашего старосты. К сожалению, о ней сказать нечего. Он никакой работы не ведет. Даже те задания, которые ему поручались на треугольнике, он не выполнял — либо по нежеланию, либо по неаккуратности. Проверка им конспектов по марксизму превратилась в формальность: сам он 3–4 занятия подряд их не делал, не требовал по-настоящему, и вот результат — вторая проверка, двое не сделали, третья — пять. В конце — регулярно десять человек во главе с ним самим. Как можно требовать с других в этом случае? Давали ему и другие поручения — не выполнял. Какие же ему нужны поручения? Он не желает никаких. А если давать, что толку? Спросите, что он сделал для группы? Ничего. На треугольнике он только торопит кончать, и все. Ни разу ничего не предложил, ни за что не взялся сам. А какая у него дисциплина?! Естественен вопрос, нужен ли нам вообще такой староста?

(Ну что ж. Типичная история — неудачный союзник. И вот здесь впервые перед комсоргом возникает контрастный вопрос — как с ним поступить? А это веселый и озорной парень, после мы с ним подружились, хороший человек. Но интересы

дела требуют деловых качеств, а значит, надо менять, менять старосту, профорга, чтобы не быть одному, чтобы на кого-то опереться. Противоречие, весьма частое, человеческих и деловых качеств. Решение было правильным. С ним все согласились. Но хорошего старосты все равно не получилось. И группа позже нашла потрясающий выход: старост меняли раз в полгода, по кругу. Традиции IV-й позволяли делать это до 6-го курса.)

На примере «занятий Лиды с Варей», проверки Юры Е., на примере работы большинства троек, мы увидели еще одну важную проблему в нашей группе: отношение к товарищам. К сожалению, я должен сказать прямо — в среде наших ребят и девочек немало эгоизма по отношению к товарищам. У нас больше беспокоятся о себе, чем о других, у нас нет дружбы в группе.

(Печальная констатация факта и надежда, что откровенный разговор изменит ситуацию.)

А раз нет просто товарищеских отношений, то что же можно сказать о принципиальности, повседневной требовательности группы к ее отдельным членам? У нас нет коллектива, который бы осудил прогульщиков, лентяев и халтурщиков. Тома достает из-за пазухи книжки — все смеются, и только. Староста паясничает на математике и теореме — разве кто-нибудь его остановит? Простое, кажется, дело — поинтересоваться, как группа сдает экзамены, а ведь и оно показатель взаимоотношений членов группы. И мне особенно стыдно было, когда я узнал, что стоило мне уйти по делам после математики, как все разбежались — в последний день экзаменов никто не поинтересовался успехами других, никто не подумал вместе пойти в кино. У нас в группе такое положение — все друг другу как будто чужие.

(Здесь уже боль. Настоящая физическая боль за то, что не получается коллектива, не тот он, не так все складывается, как хочется. Драма комсорга!)

Этого не докажешь одним примером, — но это повторяется изо дня в день сотней мелких фактов, начиная с того, что ребята и девочки сидят совершенно отдельно (Нет симпатичной Тани Галкиной!), кончая тем, что ребята не здороваются с Варей, да большинство вряд ли с ней и говорили когда-нибудь о чем-нибудь. Демидов смеется над молчанием Риты, а о чем это говорит? Просто о неуважении человека, и все. Ответьте мне, почему такое положение? Что, у нас плохие люди в группе? Ведь нет! Но тогда почему?

(Вот она — высшая точка трагедии, кульминация речи. Остановимся здесь. Дальше все ясно! Снова — что не получается культработы, не выходит «Крокодил», неудачный профорг Фосс, и его тоже надо менять. Но все это следствие крика души: не получается группы! Не сложилось!)

* * *

Помнишь, товарищ, белые снега...

Альпинистский фольклор времен войны

Бывают в нашей жизни мгновения напряжения духа. Когда медленно, по крупицам собираются все таинственные токи человеческих возможностей, сходятся в одном фокусе и создают такой потенциал, что он позволяет преодолеть, кажется, невозможное. И тогда самая крошечная удача бросает человека в дрожь, в крайность, ослепляет его иллюзией находки, и кажется — вот оно, свершилось! И не понять, что все сложил случай, что твои силы к этому непричастны, что не все в жиз-

ни выстраивается по человеческому желанию. Но может быть, все-таки и оно причастно? Кто знает...

Вот так и в нашей группе: чудом, вдруг стало все меняться к лучшему. Вряд ли собрание было тому причиной. Полгода люди уже жили вместе, полгода притирались, приглядывались. Определелись лидеры: Демидов, Алла, Юра. Определелись ведомые: Саша, Дима, Гена, Женя. Определилась особая группировка девочек во главе с Эллой, противостоящая миру мальчишек. Определелись индивидуалисты — в их числе оказался и комсорг. Он парил в своем мире, мире прошлого, до поры до времени. А группа уже начинала жить своей жизнью — сессия оценила всех, расставила по местам, показала относительную меру самостоятельности каждого и ушла, сбросив напряжение. И группа неожиданно начала во-всю оживать.

Первой ласточкой стал смотр самодеятельности курса. По традиции старого здания такие смотры проводились ежегодно весной по потокам и курсам. Выступали группами. Смотры эти отличались стандартным меню: играли школьные фортепьянные пьесы, кто-нибудь пел классические романсы, в лучшем случае играл на скрипке, изредка ставили сценки, реже был дуэт или хор, ансамбль. Читали стихи, басни Михалкова. Репертуар был неширок, даже студенческого юмора было немного — время его еще только подступало. И у нас на первом курсе был такой смотр, проводился он на Стромынке, но, кроме романсов в исполнении Рустема, не упомяну примечательного. Да и собираться-то было тогда негде.

Новое здание МГУ дало нам новые возможности. На каждом этаже в нашей зоне были небольшие уютные гостиные с пианино. Правда, в первый год, при заселении здания, была введена сверху монастырская система: девушки жили в левой части здания, в зоне «Б», ребята в правой — в «Д» и «В». К девушкам не пускали. Встретаться разрешалось только на глазах у дежурной тетки, в гостиной, в блоках-комнаты — ни-ни. Однако эти суровые порядки встретили в штыки, и они начали быстро разрушаться, сначала старшекурсниками, затем нами. Сперва начались танцы в гостиных, затем чаепития в блоках, дни рождения, особенно в мальчишечьих зонах. Гостиные становились местом встреч и общих сборов. И репетиции, естественно, были тоже одной из возможностей собраться. Самодеятельность расцветала на глазах. И наша яркая группа не отставала. Выявилась масса талантов — великолепные голоса (Кузнецов пел потом в опере МГУ — солировал в «Мельнике, колдуне, обманщике и свате»), Казанцев играл на скрипке, Гена — на пианино, Демидов, естественно, сочинял. Девочки показали танец. Пели романсы Рустем и Володя, играли в четыре руки, сценку поставили. В итоге группа заняла первое место на смотре потока — это стало предметом гордости. Вечер курса в новом ДК вообще всех воодушевил. Помню лихую песню тех времен, захватившую курс:

Нам электричество ночную тьму разбудит,
Нам электричество пахать и сеять будет,
Нам электричество заменит тяжкий труд,
Нажал на кнопку — чик-чирик —
И тут как тут!

В группе начали возникать взаимные симпатии.

Другим объединяющим делом оказался спорт. И снова здесь главную роль играли богатства нового здания. Проблем зала еще не существовало. Чуть кончались занятия, брали мяч и шли играть — в футбол на Ленгоры или площадки, в баскетбол на новый стадион или в зал. Выяснилось, что парни наши классно сыгрались. Бас-

кетбольная команда у нас была лучшей на курсе, да и на факультете не из последних. Футбольная — тоже. Это здорово собрало ребят вместе; вечно крутились с ними Алла, Томка. Тренировки, игры, встречи с другими потоками, курсами оживили группу. Спорт становился кумиром. Впрочем, я и здесь оказался на отшибе: меня затянула секция самбо. На нашем курсе учился Женька Глориозов — чемпион СССР по самбо. Он заразил самбо полкурса. Дело было новое, самбо только появилось, все бегали в новый зал. Мы занимались в паре с Рустемом. Сначала у меня не ладилось, проигрывал, но через полгода окреп, озлился и начал выигрывать. Тренер Зайцев даже поручал мне вести разминку новичков. Впрочем, выше третьего разряда не пошел — на третьем курсе начался другой период, но в тот момент был увлечен до предела. Однако самбо тянуло меня в сторону от ребят группы, хоть я этого и не замечал.

Но, конечно, главным делом нашим стал поход по Подмосквовью.

Туристские традиции физфака, как и его песенные традиции, восходят ко временам оным, когда физики увлекались альпинизмом. К нашему времени они совершили свой первый вираж. Не знаю, как и почему, но наши туристские предки спустились с горных круч и обнаружили вокруг себя нехоженные леса России. Жители города — наше поколение, разбросанное в войну по пионерлагерям, дичавшее на улицах городов, собранное в пионеротряды и боевые дружины, непрерывно игравшее в войну в годы войны, — вдруг вырвались на волю лесов, жадно вдыхая дым костра и спокойствие природы. Дач, личных поместий и машин еще не было, жители деревни были настроены мирно и дохода с нас не искали, город еще не пошел в наступление на лес и на поле. Чаше нас по наивности принимали за «геологов», слово «турист» было непонятно в глубине России. Было время первопроходцев. Осваивался пеший туризм, родственник горных восхождений, только-только появлялись байдарки. Они поражали пеших туристов своей вместимостью, комфортом, возможностью отдыхать, преодолевая при этом по 30 км в день. В пешем походе все это было недоступной роскошью.

Предки наши, спустившись с гор, принесли оттуда нам свои песни — незамысловато-простые озорные альпинистские песни тех времен — главное, что задорные:

Не отставай, вперед не зарывайся,
Держись в цепочке, держись в цепочке,
Напереди идущего равняйся
По пятой точке, по пятой точке.

Наш походный гимн того времени!

Сижу и целый день страдаю,
Так тяжело и грустно мне,
А струйки мутные так медленно стекают
За воротник, кап-кап, и по спине.

Зачем оставил я штормовку,
Палатку Дарского не взял,
Попал я, бедненький, в холодную ночевку,
И холод косточки мои сковал.

Передо мной Белолокая
Горит в туманной вышине,
А струйки мутные так медленно стекают
За воротник, кап-кап, и по спине.

Эту песню любили петь в дождь, кучей забравшись в серебрянку-палатку из парашютной ткани, легкую, удобную и, наверное, именно поэтому, как и многое другое хорошее в нашей жизни, канувшую в вечность. В ней особенно отчетливо запечатлелось наше «горное» происхождение. А когда находила на нас суровая, но лирическая нота, вспоминали обычно песни военных времен:

Там, где снег тропинки заметает,
Где лавины грозные шумят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.

Нам давно родными стали горы,
Не страшны метели и пурга.
Дан приказ — недолги были сборы
На разведку в логово врага.

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней,
На скалистом гребне для грядущих дней...

Своих, чисто туристских песен было еще мало. Они рождались постепенно, по мере освоения новых земель — пешие походы только начинались.

В этом смысле наш поход был знамением времени. Он не был сложен: это было Подмосковье — 250 километров вокруг Москвы, от Можайска на север. Первый день, первые двадцать километров, первые привалы: через 45 минут — десять минут кверху ногами. Шли мы двумя группами: командовали Рустем и Демидов, они получали разряд за руководство, но на деле мы были одной общей, дружной, спаянной 22-й группой. Нас было человек около пятнадцати, точно не упомню. Ребята, девчонки, в том числе Таня — весь поход я шел в цепочке за ней, и ее быстрые ноги и сейчас снятся мне с усталости. Погода была солнечная, жаркая, тяжесть рюкзака с консервами, потертая спина и плечи «с крылышками» вначале не давали ощутить сладость отдыха. Не сложилось пока привычки.

Шли на север. На третий день, как упомню, вышли на берег Москвы-реки. Сели в тенечке, попробовали и выбросили с обрыва большой запас протухшей колбасы — по неграмотности купили полукопченую, — и задумались, развалившись на травке. Кто-то заметил старый плотик. Тут-то нам и ударило в голову — сварганим плот! Взяли старый, брошенный, набили свежих досок в настил, погрузили рюкзаки, почти все. Плот держался. Даже плыл, поднимая еще и человека с шестом. Радость была неописуемой. Решили рискнуть: трое остались с плотом, остальные быстро, налегке ушли вперед. Мы повели плот потихоньку, в надежде не топясь добраться до стоянки. Шел плот тяжело, но уверенно. Стоишь на нем, толкаешься шестом, песни поешь — «Эх, прокачу!» Жизнь улыбалась. Прошли эдак радостно километров пять. Впереди была деревня, речка пошла на перекат и изрядно обмелела. Плот начал скрести о дно, наконец встал на песчаной отмели. Работы прибавилось. Таскали рюкзаки на близкий берег, тащили облегченный плот по отмели, грузили рюкзаки снова, ехали до новой отмели, и так раз пять. Наконец вздохнули — перекаты кончились, пошел плес. Снова тихая вода, снова шест. Двое сидят на берегу, один плывет заводями. Прошли еще пять километров. Опять начался перекат. Солнце уже перевалило за три, обеда нам не полагалось. Снова тяжелая работа. По щиколотку в воде рюкзаки на берег, затем бредем по отмели, с трудом проталкивая плот, расчищая ему дорогу. Сил поднять его не хватало, бревна были сырые — тащили волоком, умотались. После переката сели отдох-

Воскресный курсовой поход

нуть — ноги протянули. Стало ясно, что тридцать километров, которые наши налегке проскочили, нам не осилить. Дай бог половину, а там что? Не мудрствуя лукаво пошли дальше. Глубина была хорошая, но готовились к новой отмели. Она, конечно, не заставила себя ждать, хоть и роздых нам был дан километров на семь. Отмель была самая мелкая. Да к тому же на глазах у деревни. Река разливалась широко, коровы шли на переправу по бабки, и плот нам уж точно не перетащить. Выхода не было. Теперь надо было все рюкзаки тащить на себе до лагеря. Впрочем, мы пошли вдвоем: третий сторожил оставшееся. Но все унести мы никак не могли и решили звать подмогу. Шли скоро, уже стемнело, главное было не пропустить костра, который ребята должны были разложить у реки. Поэтому шли неудобно, не торной дорогой, а тропой, все время жались к реке. Наконец на лесистом хвойном пригорке, на радость, костер и рядом, на горушке, лагерь. Нас ждали с реки — мы вышли из лесу. Смеху было. Отдохнувшие налегке за день мигом собрались за оставшимися рюкзаками. Но как найти место? И тут стало ясно, что надо идти опять назад, туда-обратно еще часов пять минимум. Я пошел, легок был на подъем. Нашли, вернулись в целости часам к трем ночи. Помню, не до ужина было — пришел, свалился и заснул. Утром из-за меня задержали выход — дали-таки отоспаться.

Через три дня после выхода на Глубокое и ночевки по избам у нас не помню кто заболел. И мы, в нарушение маршрута, сели на попутку и за два часа сделали до Истры три дневных перехода. Автотуризм, несомненно, был лучшим видом туризма! Сходили в больницу, подлечились — и дальше, вверх по Истре на водохранилище. Теперь у нас был трехдневный запас времени, и мы решили сделать дневку. Истринское водохранилище было тогда еще тихим местом. Перешли плотину

и километрах в трех от нее встали за мыском в санитарной зоне. Купались, стирались, отдыхали вволю, много пели по вечерам кто-что знал, достали лодку и плавали по продукты. Благодаря Ленкиной бутовской школе знал я теперь много разных песен — только успевай переписывать. И здесь Таня, наша непутевая в учебе Таня, ожила и запела. И голос у нее был не сильный, но красивый, и глаза большие, улыбочивые, и вся она такая ладная и своя, что растаяли мальчишески сердца и приняли ее в «свои». Как-то все в походе перемешалось, симпатии-антипатии разрядились, все были просты и понятны. И с этим легким чувством, с настроением общей любви, сложившегося наконец коллектива, шли мы после дневки, окончив поход где-то к северу от Москвы, не дойдя, понятно, до конечного пункта, Загорска, кажется. С этим настроением мы сидели в Москве всю ночь не помню у кого на квартире, пели до упаду, выпили вина, но не спали. С этим настроением достигнутого, наконец, общего счастья я сел в свой поезд и проспал на второй полке, к ужасу соседей по купе, двадцать восемь часов, не вставая. На память мне подарили игрушечный молоковоз — напоминание об удачном автотуристском маршруте: часть его мы проехали на молоковозе. Счастье, удача улыбались мне. Все сходилось. На небе ни облачка.

* * *

Я ценой познания, дети,
Тьму невежества разбил,
Я познал ценой столетий
Тайну склепов и могил,
Кости бурые истлели,
Черви гложут гибкий стан,
И застыл на мертвом теле
Златокудрый истукан.

Фольклор нашего курса (1954–55 гг.)

В припадке счастья и упоения достигнутым я не замечал иной жизни в «моей» группе, иного пути, которым шли наши мальчишки. А они весь год жили в себе, независимо от меня и составили любопытное явление, скрытое тогда от моих невидящих глаз. Все это узналось позже, по случаю, но к месту будет рассказать здесь, оттенки мои планы и восторги. Слишком часто мы живем иллюзией, а жизнь своеобразнее, пестрее ее палитра, и строит она по-своему, не считаясь с вами. Смотрите же в оба, не обольщайтесь!

Явление, которое мне вспоминается, весьма своеобразно — такое же знамение времени, что и мои пламенные иллюзии, и так же мимолетно. Но в нем что-то новое, что-то от будущего нигилизма, эпоха которого наступила много позднее, в 60-х. Но здесь уже его истоки. Оно — антипод, и поэтому я не замечал его: у нас тогда не было точек соприкосновения.

Итак, поэтический нигилизм. Он возник на нашем первом курсе, в Медицинском институте, где регулярно читались лекции по математике и где мы встретились со странным миром, так необычно отразившимся в головах наших будущих теоретиков. Анатомический театр, человек в наготе жизни и смерти, веселые медички среди этой экзотики породили среди наших доморощенных поэтов новое направление, вышедшее в свет сборником «Тайны склепов и могил» году в 54-м.

«Цель выхода в свет данного сборника, — писали они в программе, — ознакомить широкую общественность с новым течением в современной литературе. В этом сборнике поэзы (не иначе!) напечатаны в их самой последней и неискажен-

ной редакции. Это изысканное направление родилось под крышей анатомического корпуса медицинского института, в благоуханных стенах секционных залов, оно стало литературным знаменем 14-й группы, где нашло наиболее талантливых своих выразителей. Основателем школы является Борис Т., к нему сразу же прикнули лучшие поэты этой группы... Нас вдохновлял труп, труп нас вел по неизведанным путям, и мы воспевали его...» (С Борисом мы познакомились и стали друзьями позже, но добрая часть ребят нашей группы была среди «поэтов» — откуда мне было знать об этом?!)

Собственно, первые стихотворения — поэзы этого жанра несколько однобоки. В них по-разному варьируется одна и та же главная тема. Вот примеры:

Облака седыеплыли
В небе черного свинца,
И струилась из могилы
Злая ярость мертвеца.

Небольшое мрачноватое четверостишие с неплохо выстроенным настроением. Или—

Тихо пахнет прелым трупом,
Тени, шепот без конца...
А к столу большим шурупом
Привинтили мертвеца.

Это наша курсовая классика, известная каждому. Классическая антиномия. А вот уже развитая тема, углубленная наметившимся романтизмом:

За коварные объятья,
Лживость милого лица
Ты прими мои проклятья
Страшной мести мертвеца.

Стала мне тесна могила,
Заструилась кровь из ран,
Приподнялся я уныло,
Гроб отдав своим червям.

И теперь брожу по свету,
Кровь сосу я у людей,
Став безжалостным вампиром
Из-за подлости твоей.

Но покой я твой нарушу,
В полночь страшную приду,
Выпью кровь твою и душу,
Свою ярость напою.

Помните, как у Пушкина об английском романтизме:

И стал теперь его кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный жид, или Корсар,

Или таинственный Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

Унылый романтизм свойственен был и нашим поэтам в полном комплексе.

Однако время не стояло на месте. И наряду с мрачной темой смерти возникла и бурно развилась в вариациях оптимистическая тема любви, окрашенная мрачноватыми красками общей тенденции.

Не целуй истлевших трупов,
Не ласкай угасшей плоти,
Не затронешь чувства струны,
Не встряхнешь души лохмотья.

Ты отдайся трупье власти,
И, холодной страстью вея,
Труп тебя одарит лаской,
Назовет тебя своею.

Там в тиши могильной сени
Поцелуи звонко слышны,
Труп, светлей, чем день весенний,
С губ твоих срывает вишни.

Так иди ж в объятья смерти,
Там, средь ночи, на погосте,
Там ты можешь трупа встретить
С желто-белой звонкой костью.

Итак, тема любви и смерти — извечная тема драмы, почти Шекспир. Она была, в определенном смысле, апогеем направления. Здесь поэты достигли своего расцвета, своих вершин. Дальнейшие поиски повели их либо в мистику (идеалисты), либо в реализм (материалисты), здесь особенно опасный. Не миновали они и абстракционизма.

Мистериоза

Тускло блистало на небе
Мрачное око — Луна,
А исступленная Дева
Прыгала в ночь из окна.

Звезды печально блистали,
Черный мяукал кот,
Медленно плыл мертвецами
Груженный пароход.

Светло-сиреневый панцирь
Скинул печальный корсар,
А на «Летучем голландце»
Ветер порвал паруса.

Абстрактная поэза

Туманные черты несбывшейся идеи
Растаяли во мгле минувших сновидений,
Но темное пятно прозрачной пустоты
Не исказило вечной красоты.

Дальше естественно последовали: модернизм, схематизм, кубизм и новый возврат к реализму. Круг завершился, спирали не было.

Элементы мечты

Обнаженное тело,
Обнаженные страсти,
Обнаженная нега,
Обнаженный экстаз.

Ликовало и пело
В упоении счастья
У скалистого берега,
Но — единственный раз.

Обезьяна

С неба тянется веревка.
Кто повесил там ее?
А в окно влезает ловко
Волосатое зверье.

Ацаркину

Гигант комедии и драмы
И величайший демагог,
Он мечет с кафедры громами,
Как молодой кудрявый бог.

(Ацаркин — наш преподаватель по марксизму-ленинизму. Он и в самом деле был неистов в разоблачении левых, правых и т.п. и т.д.)

Кстати, поэма «Обезьяна» была заимствована позже драматургом Погодиным (конечно, без ссылки) в его пьесе «Маленькая студентка», что вызвало на курсе многочисленные нападки на последнего и требование к автору: «Иди, получай гонорар!» Впрочем, это не последний случай плагиата физического творчества — позже мы столкнулись с этой проблемой вплотную.

И наконец, в завершение круга — критический реализм:

Услышав робко: «А Вам не надо ль?»
Я глянул вниз,
А там плясала гнилая падаль
Под «вальс-каприз».

Как видите, поэтическая струя в нашей группе была ярка, глубока и индивидуальна. Чудаществ было много. «Крокодил» развился в курсовой «Вентилятор», тот — в целое романтическое направление, жаждавшее утверждения. Но все это пока шло мимо меня. Я все еще топтался на месте и жил иллюзией дружной группы. А ее уже не было — был курс, и события скоро показали мне что почем.

Все решил колхоз, куда мы поехали в августе, в конце лета. Я, естественно, был и за бригадира, и за комсорга одновременно. Но сначала мне было письмо из моей старой, 18-й по прежнему исчислению, группы с первой колхозной смены. А потом второе — мое собственное, неотосланное...

* * *

Письмо из колхоза

...Ты знаешь, мне очень о многом хочется тебе рассказать... Расскажу, пожалуй, как я почувствовала, что я «идейная» не на словах, а на деле. Это случилось в колхозе. Когда мы ехали туда, пели песни, и мне казалось, какие мы все веселые и дружные и что работать в колхозе для нас будет одно удовольствие. На следую-

щее утро нас разбудили в 4 часа и послали сажать капусту. И тут я заметила, что каждый присматривается друг к другу, стараясь найти ответ на вопрос, как же работать: «от всей души или с прохладцей». И так работали все целый день, довольно прилично, хотя и без ожидаемого энтузиазма. Второй день работы (убирали сено), когда у всех стали болеть мышцы ног и рук, показал, что равномерное поступательное движение окончилось и началось заметное деление на группки «активистов», «середняков» и «лоботрясов». Последние — самые «скрытые и опасные враги масс», граблями взмахнут раз, а идейных речей на полчаса. А мне за кем пойти? Солнце печет, поле большое, грабли тяжелые, и все некрасовские стихи на уме. Впереди с вилами Борька Потапов идет. Он садится отдыхать, и я тоже, он — за вилы, а я — за грабли... Так в полном молчании и работаем.

Только после обеда я уж с Борькой работать не стала: не могу, руки «чешутся». Потом случай окончательно вывел меня на твердую почву. Пришел однажды бригадир посмотреть на нашу работу и видит, что слабенько работаем, особенно девчонки: еле-еле шевелятся, и все на одном месте (как я работала, он, правда, не видел). Ну, стал, конечно, ругаться. Но наши «интеллигентки» не уступают, «не на таких напали»... Я молчу, а сама чувствую, что ведь лучше-то могу работать, и хочется мне самой, чтобы тяжело было. Вдруг мальчишка на молодой лошади подъехал, за лошадью «машина», которая сено в копны собирает. Мальчишка поводья бросил и на землю прыгнул, лошадь чего-то испугалась и понеслась на стог, под которым я сидела. Я отскочила, стог упал. Лошадь круг сделала и опять вроде — на меня. Бригадир побежал за ней, схватил вожжи, но она его подмяла и задними копытами ударила в грудь и лицо, еще немного побежала и встала...

Никто почему-то не подошел к нам: все, уткнувшись в землю, работали. Я обмыла ему раскровавленный локоть, при мне он вынул изо рта два зуба и бросил их на землю. У него болела грудь, кружилась голова, он позвал Тарана, мальчишки унесли его в деревню. Это было часов в 5 дня, я взялась за грабли и работала без отдыха до 10 часов вечера. Ребята ушли, я взяла вилы и сама сложила копну. Получилась она высокая и стройная, и мне казалось, что она лучше всех. Девчонкам тяжело с вилами работать, но мне было ой как весело, и хотелось крикнуть: «Я одна это поле убегу, уходите все, а то мне тесно»... Искоса наблюдали за мной девчонки, из-под бровей смотрел Фосс, а я взяла грабли и все шла да шла, вперед да вперед! Чем дальше идешь, тем еще дальше хочется. Уже солнце село за лес. В 9 часов ушли девочки, остались я, Таран, Фосик, Света Викторова и, где-то далеко от нас, Рогнеда и Ленка.

Потом я пошла на речку, выкупалась и почувствовала себя очень бодрой, очень хорошо день прошел! Ну, а оценку я себе дала такую, как первая строчка моего повествования...

И второе письмо — мое (неотправленное...)

Здравствуйте, мама и папа!

Второй день я уже в Москве. Из колхоза уехал, сейчас объясню почему.

Во-первых, был я там бригадиром в нашей групповой бригаде — в ней только трое из других групп. Не знаю, что случилось, но с первого дня группу, вернее, ребят, как подменили: начали сначала понемногу лентяйничать, отдыхать все время, дисциплины никакой. А ведь это самое худшее. Все мои попытки кончились плачевно: не только не стало лучше, но, наоборот, хуже. Наверняка я тут крепко виноват, но до сих пор не могу найти, в чем же. Словом, что ни день, то хуже и хуже. Наконец, дошло до того, что им начал дождик мешать, начали просто прогуливать.

А в последний день (вернее, мой последний) девчата пошли работать, а ребята сначала в чайную, а потом сели играть в карты или читать. Все мои меры были исчерпаны, а 60% слушались меня только когда хотели.

Кому нужен такой начальник?

Я ушел из колхоза, взяв свой мешок, оставаться оплеванным — не мог. Конечно, мне отвечать за это, но я думаю, что на наших ребят это произвело впечатление. Хотя посмотрим. Но иначе я поступить никак не мог.

Вот и все. А сейчас сижу в МГУ, никуда не выхожу, очень тяжело. До свидания. Скоро напишу, чем все кончится. А пока не волнуйтесь. Ничего пока не спрашивайте.

* * *

Итак, развязка определилась. Иллюзии кончились, и наступила расплата. Год я отчаянно выкладывался, мечтал, трудился, создавал коллектив, стремился сдружить группу, связать всех в один красивый организм, боролся что было сил. Она стала дружной — но без меня. Я сам оборвал все ниточки, связывающие меня с нею, и оказался один, вне группы, никому не нужный, хотя и бывалый уже, но не потерявший веру в людей. Собственно, я делал свой последний шаг в надежде, что он спасет положение, покажет тем, кто не считался со мною, что дальше так нельзя жить. Верил во взрыв. Надеялся на поворот в бригаде, надеялся, что поймут и меня тоже. Сидел в Москве и ждал, что позовут. Сейчас, конечно, понимаю, как это глупо и романтично. Зато как страдал! Впрочем, говорят, ребята в бригаде с моим отъездом переменялись, собрание прошло, работали нормально, все подтянулись, говорят. Но обо мне не вспомнили. Видно, все-таки больше мешал жить, и были рады избавиться.

Вообще-то, люди не охотники разбираться в чужих сложных чувствах. Они — реалисты: раз ты так поступаешь, значит тебе надо, тебе выгодно, а что ты при этом говоришь, переживаешь...кого это волнует? Но как поздно — только уходя с физфака — я понял эту простую истину. А в то время был романтиком, надеялся, что кто-то поймет мои сложные, многослойные мотивы, часто и самим-то до конца не осознанные. И страдал от непонимания.

Была, конечно, и другая причина страдания. Рухнула мечта, надежда построить красивый и сильный коллектив «а ля Макаренко», близкий каждому. Коллектив любимой группы. Оказалось, что в жизни ему нет места. И хотя надежда построить красивые человеческие отношения осталась, и не раз еще в жизни пытался я их построить уже на другой основе, но первое здание рухнуло, первый блин был комом.

Было ли это только моей иллюзией, только моей верой? Сейчас я понимаю, что нет. Вера эта была присуща моим сверстникам, живет она и сейчас, возрождаясь с каждым новым поколением, вступающим в жизнь. Первое, что видит человек, вступая в ее путаные лабиринты, — друзей по школьному классу, группе, маленькому человеческому коллективу, часто случайному. И нередко это — вообще все, что он получает от жизни, а остальное — преходяще. И он стремится, вполне естественно, сделать этот коллектив красивым, гармоничным и удержать его навсегда. А он не удерживается, жизнь устроена иначе. И рождается боль, приправленная чувством юмора. И возникает маленькая драма, маленькая драма обыкновенного человека — студента Коли Обыкновенникова, которую мы громко называем:

**Народно-музыкальная драма
«Дубинушка»**

(Читайте в следующем номере)